

Андрей ПУЧКОВ
г. Сосновоборск

КРАСНАЯ РАССКАЗ НЕЗАБУДКА

Семён, опустив голову, медленно шёл по лесу и выискивал в траве маленькие голубенькие цветы. Собственно, их и искать-то не надо, этих цветов много, они росли повсюду, но Семёну нужны особые. Он не знал, по каким критериям выбирает их. Он и слова-то такого не знал — он просто чувствовал, что вот этот цветок нужно сорвать, а вот этот — не надо.

Ну, вот и последний. Семён встал рядом с цветком на колени. Невзирая на то что трава с утра ещё сырая, осторожно раздвинул её кривыми покалеченными пальцами и сорвал цветок. Да, белому человеку понравится этот цветок, он будет рад ему.

Зажав маленький букетик в руке, Семён, улыбаясь, направился к дому. Он улыбался всегда и всем. Ему нравилась жизнь. Ему нравились белые люди, с которыми он жил в большом доме. Нравился лес, окружавший его дом, нравились голубые цветы — он срывал их и дарил белым людям. Ему не нравилось только одно: голубые цветы росли не постоянно — они пропадали, когда становилось холодно. Но до того ещё далеко. И Семён старался об этом не думать.

Ещё Семён любил солнце. Очень любил. Он много раз пытался рассмотреть его, но у него ничего не получалось. Яркое жёлтое пятно быстро становилось ослепительно белым, и единственное, что он успевал увидеть, это мелькнувший круг с очерченными краями. На этом, как правило, всё и заканчивалось: у Семёна начинали бежать слёзы, резало глаза. Потом какое-то время Семён почти ничего не мог видеть из-за мельтешивших перед глазами светлых пятен. Но всё равно радовался — вытирал ладонями слёзы, шмыгал носом и смеялся. Он любил солнце. Он видел и чувствовал его.

Вот и сейчас, словно понимая, о чём он думает, светило, разогнав утренние тучки, обрушилось на него всей своей приятной мощью. Семён, раскинув руки и задрав голову к небу, широко открыл глаза навстречу этому свету. Всё произошло как всегда. Почувствовав, как по лицу побежали невольные слёзы и заплясали в голове яркие круги, Семён счастливо засмеялся; не опуская рук, он начал медленно кружиться, представляя, будто плывет в этом ярком свете, приятно согревающим лицо и испаряющем слёзы радости.

Доктор стоял возле окна в кабинете и смотрел, как Семён возвращается из леса, который рос на территории больницы и был огорожен высоким забором. Даже с такого довольно большого расстояния видно, что колени у парня мокрые.

«Опять по траве ползал», — вздохнул доктор и посмотрел на часы. Время до начала обхода ещё оставалось, и он опять перевёл взгляд за окно. Там, на выложенной жёлтой брусчаткой дорожке, подняв голову вверх, кружился его пациент, больной мозг которого перестал ему служить.

Доктор опять вздохнул, взял лежавшие на столе очки и положил их в нагрудный карман халата. Вдаль он видел хорошо, однако читать без очков уже не мог: возраст, знаете ли. Доктор недоумённо хмыкнул: «Вот ведь дела какие... Годиков мне ещё не очень много, а зрение уже подсело. Это в пятьдесят-то! А что в шестьдесят будет? Жуть, одним словом, — не успев толком подумать о неприятностях со своим зрением, доктор досадливо поморщился: — Ну надо же! Тоже мне жуть с кошмаром нашёл. Жуть, она вон там, за окном, задрала голову к небу и кружится, пуская радостные слюни. Вот уж где жуть так жуть!»

Доктор постоял ещё немного, размышляя, и, решив нарушить традицию начинать обход с первой палаты, направился на улицу, где на жёлтой дорожке смеялся больной из седьмой.

— Здравствуй, Семён! — улыбнулся доктор и, как всегда, внимательно стал всматриваться в глаза парня в надежде увидеть в них хотя бы маленький проблеск разума.

Семён не ответил. Он на протяжении вот уже трёх лет смотрел в глаза доктору глупыми счастливыми глазами и улыбался. Ещё он кивал, словно соглашаясь со всем, что ему говорили.

— У тебя, я вижу, как обычно, хорошее настроение! — констатировал доктор и, показав рукой на скамейку, очень кстати оказавшуюся рядом с ними, предложил: — Присаживайся, друг мой, в ногах, как говорится, правды нет.

Доктор сел первым — знал, что больной всё равно не сядет рядом с ним. Сколько уж раз такое случилось!.. Увидев идущего доктора, тот обязательно вставал.

А Семён, заметив приближающегося к нему белого человека, переставал кружиться. Для него это означало, что сейчас тот начнёт издавать гулкие и смешные звуки: «Бу-бу-бу, бу-бу...» Семён не понимал смысла этих звуков, но этот белый человек ему нравился. Для него он тоже срывал цветок.

Семён знал, он не должен ошибиться: человек может обидеться, если он отдаст ему цветок, предназначенный для другого белого человека. Доктор сидел на лавке и терпеливо ждал, когда больной выберет для него цветок. Однако, похоже, в этот раз пациент не мог определить, который из них отдать. Он уселся прямо на дорожку, разложил перед собой цветы и перебирал их, беззвучно шевеля губами. Наконец выбрал нужный и, не вставая, по-прежнему улыбаясь, протянул его в сторону доктора.

«Ну что же, обход начался», — грустно подумал доктор, поднялся со скамейки и взял из рук Семёна незабудку. Проходя мимо сидящего на брусчатке парня, доктор не удержался и погладил того по лохматой голове. Семён, как и его сын, когда-то служил в армии. Иногда доктор представлял себе, что на месте этого парня мог оказаться его ребёнок, — в такие моменты у него выступали слёзы на глазах, и он начинал звонить сыну, — звонить только для того, чтобы услышать его голос и узнать, что у того всё в порядке. Он слушал родной голос и радовался тому, что этот кошмар произошёл не с его мальчиком, а с другим человеком. Доктор стыдился этой

радости, но ничего не мог поделать с этим, — он просто радовался.

Когда белый человек ушёл, Семён посидел ещё некоторое время на дорожке, радуясь тому, что сделал всё правильно. Потом он встал и пошёл в дом, где его скоро посадят за стол, дадут в руки ложку и покажут, что с ней надо делать. Семён в предвкушении приятного события, связанного с ложкой, опять засмеялся. Его как будто огорчало одно: он постоянно забывал, что надо делать с ложкой, — честно пытался удержать это в голове, но ничего не получалось, — память подводила его.

* * *

Елена Сергеевна сидела в ординаторской за своим столом напротив окна и видела всё, что происходит во дворе больницы. Вот и сейчас она знала, что врачи ждут её команды, когда надо будет начинать подготовку к обходу. Заметив, что главный врач направился к корпусу, оставив сидящего на дорожке Семёна, она поднялась, одёрнула халат, сказала:

— Идёт. Пора начинать... — и первой направилась к выходу из ординаторской.

Их, людей в белых халатах, в клинике работало семь человек: три врача-психиатра вместе с самой Еленой Сергеевной, врач-терапевт, старшая медицинская сестра, заместитель главврача и главный врач. Остальной персонал одевался в синюю униформу. Два раза в неделю все они выходили в холл приёмного покоя и получали от улыбающегося Семёна по цветочку. Этот своеобразный ритуал соблюдать старались все. Если кого-то не хватало, Семён начинал ходить по больнице и, тревожно озираясь, искать того, кому он ещё не отдал цветок. Со стороны может показаться смешным: молодой мужик с длинными, совершенно седыми волосами ходит по больнице с вытянутой перед собой рукой, а в кулаке зажата незабудка.

И на этот раз в холле Елена Сергеевна приняла из рук Семёна причитающийся ей цветок и, поблагодарив улыбающегося парня, пошла сопровождать на обходе главного врача.

Обход проходил как обычно. Елена Сергеевна, машинально отвечая на стандартные вопросы главного, вдруг совершенно не к месту подумала, что Семён их будто выдрессировал. Ну а как же иначе? Они все как по команде собирались вместе и ждали, когда им раздадут по цветочку. Елена Сергеевна улыбнулась, представив, как Семён начинает одаривать их не цветами, а какой-нибудь вкуснятиной, а они радостно машут хвостами.

— О чём, Леночка, задумалась? — услышала она насмешливый голос главного. — Я так полагаю, что это как-то связано с Семёном и его цветами?

— А-а... Как вы догадались?

— Ну, это не составило большого труда! У вас, моя хорошая, всё написано на лице.

— Да, вы правы! Я думала о том, что будь это другой человек, а не Семён, мы бы к нему сами не сбегались.

— Да, Елена Сергеевна, — задумчиво пробормотал главный врач, — если бы не Семён... если бы не Семён... — недоговорив, он направился в сторону своего кабинета, но, отойдя шагов на десять, вдруг остановился и, обернувшись, сказал: — Да! Чуть не забыл! Вы бы, Леночка, начали уже в порядок возможные непорядки приводить, а то, знаете ли, к нам через недельку какая-то комиссия намеревается нагрянуть. С проверкой, так сказать... — и главный, сокрушённо покачав головой, продолжил путь к своему кабинету.

Елена Сергеевна расстроилась. Нет, она не боялась, что комиссия может выявить какие-то недостатки. Она добросовестный и щепетильный работник в плане соблюдения всевозможных правил и инструкций при работе с бумагами и историями болезней. У неё всегда и во всём порядок. Но все эти комиссии отнимают уйму времени и нервов. Особенно, когда в составе прибывшей команды попадает какой-нибудь особо рьяный представитель.

Елена Сергеевна вернулась в ординаторскую, села за свой стол, аккуратно отложила в сторону стопку историй и невольно поморщилась. Припомнилось, как не так уж и дав-

но один из таких представителей остановил в коридоре Семёна, а затем потребовал к себе главного врача. Главный не стал капризничать — пришёл к возмущённому столичному гостю. Как выяснилось, у больного «слишком длинные волосы», что никак не вязалось с обликом морале их лечебного учреждения. Пока представитель комиссии разглагольствовал «о вопиющем нарушении санитарных норм», вокруг столпилось изрядное количество персонала. Тыча пальцем в голову радостно улыбающегося Семёна, проверяющий потребовал немедленно остричь его седые лохмы.

Возникшую ситуацию разрешила старшая медицинская сестра. Она попросила подойти горящего «праведным гневом» гостя поближе и откинула с висков Семёна волосы: оказалось, они скрывают отсутствие ушей и безобразные, уходящие в черепе темные дыры. Бедный проверяющий замер с открытым ртом, не в силах отвести взгляда от страшного зрелища. Старшей сестре этого показалось мало, и она окончательно добила его тем, что до самой шеи задрала на парне казённую футболку, предлагая осмотреть ещё и тело больного. Увидев это, проверяющий икнул и начал метаться возле запертых дверей туалета для персонала. По доброте душевной эта же медсестра сразу и впустила его, оставив дверь открытой: все собравшиеся могли услышать, как проверяющий блюёт.

Такая реакция неподготовленного человека, в общем-то, понятна. На теле Семёна не оставалось живого места! Сохранились только узкие полоски кожи, с которой он появился на свет. Остальная кожа выросла уже потом, после того, как её аккуратно срезали от шеи до ступней. Спереди, сзади — на спине, на руках, на ногах. Везде, со всего тела! Это тяжкое, мучительное зрелище. Поэтому никто не смеялся над этим глупым проверяющим человеком. Нельзя над этим смеяться. И ещё пальцы — они у Семёна все переломаны и выглядели расплюснутыми.

* * *

Доктор сидел в своём кабинете на втором этаже и просматривал статью, напечатанную в

английском журнале. Проблема языкового барьера перед ним не стояла. Он в совершенстве владел английским, чем и пользовался, выискивая в зарубежных медицинских журналах интересующие его статьи, посвящённые психиатрии. Закончив читать, доктор отложил журнал и задумчиво уставился в окно, обдумывая прочитанное. Он ещё не знал, согласен с автором или нет. Для того чтобы прийти к определённому решению, ему надо будет прочитать статью ещё несколько раз и обдумать каждое слово.

Из задумчивости главного врача вывела непонятная возня, происходящая возле ворот, ведущих на территорию клиники.

Рядом с воротами стоял зелёный уазик-«буханка», точно такой же, как и у них в больнице. Отличие состояло только в том, что на этом автомобиле нет красных крестов. Ворота начали закрываться, и доктор нахмурился: до конца рабочего дня они должны быть открыты, чтобы родственники пациентов могли подъехать ближе к корпусам.

Вот ворота закрылись, из будки охранника вышел человек в тёмной одежде, огляделся, после чего забрался в открытую дверь «буханки». Уазик поехал к главному корпусу. Это против правил — машина должна остановиться на парковке, не доезжая до центрального входа! Однако, игнорируя знаки, автомобиль подъехал к самому крыльцу, и из него начали выпрыгивать люди в чёрной одежде. Доктор насчитал восемь человек, четверо из которых оказались вооружены автоматами.

О том, что происходит что-то нехорошее, главный врач уже догадался, но пока не мог просчитать, насколько это плохо. Когда внизу, в холле, раздались один за другим три выстрела, неожиданно сильно хлестнувшие резким и гулким звуком по ушам, доктор понял, что дело не просто «плохо». Это пока ещё непонятная, но катастрофа. Дрожащими пальцами он снял очки и положил их в нагрудный карман халата, после чего поднялся из кресла и, обойдя стол, остановился напротив двери кабинета. Постоял несколько секунд, вынул из кармана очки и, вернувшись к столу, аккуратно

но положил их на открытый журнал. Однако решил, что очки ему могут пригодиться, опять взял их, вновь затолкнув в нагрудный карман, затем решительно вышел из кабинета.

С двумя незнакомцами главный врач столкнулся, когда прошёл уже полпути от своего кабинета к лифту, из открывшихся дверей которого они и вышли.

«Большой и маленький, — машинально отметил доктор и остановился, ожидая, когда эта парочка подойдёт к нему ближе. — У маленького — автомат, а у большого — пистолет. Хотя это не совсем логично, — почему-то пришла в голову совершенно несуразная мысль. — По логике, автомат должен быть у большого, а пистолет — у маленького, потому что автомат больше пистолета».

— Кто здесь начальник? — визгливым голосом спросил мелкий и направил в сторону доктора ствол автомата.

Тот не ответил, справедливо рассудив, что этот визгливый просто не может быть тем, с кем следует вести беседы. Какой-то он весь кручёный и суетливый... Складывалось впечатление, что этот человечек не мог спокойно стоять на одном месте: ноги его как будто жили своей жизнью — они перемещались под телом маленькими шажками, словно пританцовывали, причём само тело желания плясать не проявляло. Не может так вести себя человек, наделённый хотя бы мизерными полномочиями!

— Ты, Штырь, не только тупой, но ещё и слепой! — хохотнул большой и, мотнув головой в сторону доктора, приказал: — Читай, что у него на халате написано!

Мелкий, как разболтанная кукла, засеменил поближе к доктору. Прочитав надпись на его халате, выдал:

— Это какой-то «глврач»? А старший-то здесь кто? — вновь обратился он к доктору.

Доктор посмотрел на большого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами.

— Заткнись, придурок! — раздражённо рявкнул большой. — Это главный врач. Это и есть старший. Он нам и нужен.

Доктор посмотрел на кривляющегося человечка и презрительно усмехнулся. Затем, переведя взгляд на большого, поинтересовался:

— Куда я должен идти и что я должен делать в сложившейся, так сказать, обстановке?

— Давай, док, за мной топай, — пробасил большой и направился обратно к лифту, всем своим видом показывая, что ни на йоту не сомневается: его приказ будет беспрекословно выполнен.

Доктор обвёл глазами холл, где находилось около десятка пациентов и несколько человек обслуживающего персонала, машинально улыбнулся глядящему на него безмятежными глазами Семёну и вдруг почувствовал сильный удар в спину, бросивший его на пол. Затем раздалось истошное верещание мелкого:

— Ты чё лыбишься, козёл, а?! Ты чё лыбишься?

Удар оказался сильным, — сильным настолько, что у доктора перехватило дыхание, и он долгие секунды не мог протолкнуть в лёгкие воздух.

«Ты смотри, как больно-то!» — удивился доктор и с трудом поднялся на ноги. Некоторое время стоял, нагнувшись, приводя в порядок дыхание. Затем, не обращая внимания на крики маленького человечка, ударившего его прикладом автомата, вытащил из нагрудного кармана сломавшиеся при падении очки. С сожалением доктор покачал головой, положил их обратно в карман и повернулся к мелкому.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Ни тычущий стволом автомата в доктора мелкий, ни обернувшийся на шум большой, ни обслуживающий персонал. Главный врач!.. доктор!.. интеллигентнейший человек!.. улыбнувшись, ударил мелкого по лицу. Затем отвернулся от растянувшегося на полу своего обидчика и направился к лифту.

Доктор успел сделать лишь несколько шагов... несколько последних шагов в своей жизни... Он даже подумал, что это, оказывается, приятно — ударить подонка по физиономии, главный врач умер с этой несвойственной его воспитанию мыслью. А подумать, что всё-таки не стоило бить по лицу человека, не успел:

доктора насквозь прошла очередь из автомата, выпущенная ему в спину поднявшимся с пола взбешённым мелким. Доктора не отбрасывало ударом очереди, как это частенько показывают в боевиках. Летящие с огромной скоростью пули, пройдя насквозь тело человека, унесли с собой его жизнь. Он медленно опустился сначала на колени, а потом, словно нехотя, завалился на бок. Вздрыгнул последний раз всем телом и замер, перевалившись на спину.

Доктор уже не видел, как заорал и пнул мелкого напарник. Как закричала одна из медицинских сестёр и, в ужасе прикусив зубами кулачок, не отрываясь глядела на залитое кровью тело главного врача. Он не мог видеть, как прибежали ещё трое вооружённых мужчин и стали сгонять всех вниз, в холл первого этажа. Доктор уже не видел, как Семён, глядя на его тело, вдруг начал кричать протяжно и страшно, на одной ноте. Он, не переставая, кричал до тех пор, пока к нему не подошёл один из вооружённых людей и не ударил его прикладом автомата в голову.

* * *

Семён лежал на полу и с удивлением рассматривал голубой цветок, ставший теперь почему-то красным. Это казалось странным и непонятным. Он не понимал, почему цветок лежит в чёрной луже... и почему белый человек, которому он его подарил, стал красным. Страшным — красным! Белый человек не должен быть таким, потому что быть красным — это больно. Невыносимо больно. Это непрекращающаяся нестерпимая боль. И эта боль становится всё сильнее. Всё мучительнее и мучительнее. От неё, от этой боли, умираешь. Семён это знает: он уже умирал.

Не отрывая щеки от холодного мраморного пола, Семён протянул руку, взял искалеченными пальцами цветок, лежащий рядом с телом доктора. Затем поднялся, подошёл к белому человеку и протянул ему цветок. Белый человек цветок не взял — даже не пошевелился. Белый человек лежал неподвижно. Се-

мён постоял некоторое время над ним, затем аккуратно положил красный цветок на грудь белому человеку и пошёл на звуки возни, раздававшиеся из кабинета главного врача.

Прошло уже часов шесть, как их захватили сбежавшие эки. Елена Сергеевна поняла это сразу, как только увидела их одежду. Она уже встречалась с такими. К ним их привозили под охраной на медицинскую экспертизу, и они содержались в специальном здании, похожем на тюрьму. Там и сейчас находились несколько подозреваемых, с которыми они работали. Захватившие их люди даже не делали попыток приблизиться туда. По всей вероятности, они знали, что там имелась вооружённая охрана, и решили не рисковать.

Елена Сергеевна не видела, как убили главного врача, ей об этом рассказала заплаканная медицинская сестра, когда весь персонал и часть больных согнали в холл первого этажа. Там были задёрнуты шторы. Их заставили усесться на полу и велели молчать.

Та медсестра шёпотом рассказала Елене Сергеевне, что Семёна скорее всего тоже убили — она видела его лежащим на полу с окровавленной головой.

— ...Эй ты! Смазливая! — вдруг раздался хриплый голос одного из напавших, вольготно развалившегося в кресле, предназначенном для посетителей. — Ты! Ты! Чё ты башкой вертишь?

— Это он вас зовёт... — с ужасом прошептала медицинская сестра, сидевшая рядом с Еленой Сергеевной, и впцепилась в её руку.

— Иди сюда, — поманил зэк Елену Сергеевну пальцем и встал с кресла.

Елена Сергеевна, ни слова не говоря, выдернула свою руку из трясущихся рук медсестры, поднялась и подошла к бандиту. Тот несколько секунд разглядывал её, затем кивнул в сторону дверей, ведущих на второй этаж, приказал:

— Пойдёшь с нами. Мы ментам два часа дали, так что время порезвиться у нас есть! Да ты не бойсь... не бойсь. Я не любитель бить женщин. Я вообще-то нормальный мужик! —

он довольно ощерился, положил руку ей на грудь и больно сжал пальцами.

— Но, правда, есть одно условие. Девочка должна быть послушной. Если нет... то вот он, — и ээк ткнул пальцем в стоящего рядом с ним вертлявого парня, — будет тебя бить. Бить до тех пор, пока ты не станешь паинькой.

Елена Сергеевна знала, что она красивая женщина, — красивая той неброской, сдержанной красотой, заставляющей мужчин оборачиваться ей вслед. И — чего греха таить! — гордилась этим. И вот сейчас первый раз в жизни она пожалела о своей внешности. С трудом переставляя ноги, поднялась по лестнице на второй этаж и, повинувшись тащившей её руке вертлявого, пошла в сторону кабинета главного врача.

Елена Сергеевна понимала, что её ждёт, и иллюзий не питала. Сопротивляться она не собиралась: добравшиеся до сейфа с сильнодействующими препаратами ээки, войдя в раж, могут и до смерти забить. Терять им нечего, оружие они забрали при побеге у убитых ими силовиков. Проходя мимо лежащих на полу убитого главного врача, Семёна, Елена Сергеевна не выдержала и заплакала,

— Заткнись! — взвизгнул тащивший её парень. — Успеешь ещё нареветься! Вот только причина у тебя будет другая! — и он, запрокинув голову, противно засмеялся тоненьким голоском.

Семён медленно открыл дверь, из-за которой доносились приглушённые возгласы, вошёл и так же медленно закрыл её, не беспокоясь о том, что на него удивлённо уставилось несущее красную боль существо. Злобное существо! Оно уже начало окрашивать в красный цвет лежащего на полу белого человека. Семён вдруг понял: он должен убить это существо, иначе оно зальёт красным белого человека. И тогда этот белый человек тоже перестанет брать у него цветы. Это неправильно! Белым людям цветы нравятся, они должны их брать.

Елена Сергеевна лежала на полу в разорванной одежде и плакала от бессилия, стыда

и боли. Она боялась этих людей, поэтому сразу же сказала им, что не будет сопротивляться. Но старший всё равно дал мелкому команду бить её. Сам он сидел на диване и смотрел, как его подручный, повалив женщину на пол, уселся на неё сверху и стал методично наносить ей удары по лицу, разбивая в кровь губы и нос.

Удары вдруг прекратились, и Елена Сергеевна, открыв глаза, увидела, что в кабинет вошёл Семён. Он смотрел на неё чужими мёртвыми глазами.

— Ты чё, псих, берега попутал? — хохотнул старший, встал с дивана и подошёл к стоящему посреди кабинета Семёну.

Однако Семён, казалось, его не замечает. Он стоял спокойно и, не мигая, смотрел на мелкого, который короткими, хлёсткими ударами бил женщину по лицу.

— Ты чё, дебил, не слышишь, что ли? Я с тобой разговариваю! — уже раздражённо произнёс ээк, ухватив Семёна за ворот пижамы левой рукой.

Он попытался правой рукой нанести ему удар в лицо — быстрый, мощный, отработанный... Но произошло невероятное! Психически нездоровый человек будто бы безвольно отклонил голову в сторону, и кулак ээка ушёл в пустоту, заставив его покачнуться. В ту же секунду Семён, по-кошачьи извернувшись, оказался за спиной большого и, почти не размахиваясь, ткнул того кулаком в печень.

Сначала Елене Сергеевне показалось, что удар Семёна не достиг своей цели: большой ээк остался стоять на ногах, недоумённо оглядываясь. Но вот он охнул, скособочился и, схватившись за правый бок, упал на колени. Безучастно наблюдавший за ээком Семён шагнул к нему, вцепился пальцами в глазницы, рывком задрал голову вверх и нанёс удар ребром ладони в горло.

Страшный удар сломал человеку кадык, расплющил гортань и впечатал её в шейные позвонки. Большой захрипел и, схватившись за горло, упал на пол.

Семён упёрся коленями ему в поясницу, ухватил руками за затылок и подбородок, за-

тем одним движением свернул шею, заставив смотреть мёртвыми глазами в потолок лежащее на животе тело человека. Потом Семён взял оставленный большим на столе пистолет и подошёл к успевшему забиться в угол кабинета мелкому. Некоторое время, не мигая, Семён смотрел на него, а затем, резким ударом выбив ему зубы, вогнал ствол пистолета в рот и нажал на спусковой крючок. Выстрел получился негромким, голова мелкого сработала как глушитель.

Елена Сергеевна торопливо вытащила из шкафа главного врача его запасной халат и, стараясь не смотреть в сторону Семёна, сняла с себя остатки разорванной одежды. Словно почувствовав смущение женщины, Семён отвернулся и стал смотреть в окно — туда, где он всегда собирал цветы. Надев прямо на голое тело халат главного, Елена Сергеевна нерешительно прикоснулась к плечу больного.

— Нам надо уходить отсюда, Семён! — лихо-радочно прошептала она. — Ты слышишь?.. Ты понимаешь меня?.. — тряхнула она его за руку.

Семён не ответил, в клинике он вообще никогда никому не отвечал. Молча глядел на мир и улыбался. Сейчас Семён смотрел на неё тёмными провалами глаз — смотрел без улыбки, и она испугалась этого. В глазах Семёна больше не осталось глупой безмятежности. Елене Сергеевне показалось, что у него и глаз-то не было, только тёмные тоннели, в которых нет ни малейшего проблеска жизни.

— Идём, Семён, идём, — и она потянула парня за собой на выход из кабинета.

Им не повезло. Когда они миновали дверь, ведущую на лестницу, из неё вышли двое эков, один из которых радостно воскликнул:

— Ты глянь-ка!.. Бугор-то, я вижу, с тёлкой уже натешился! Может, она теперь и нас угостит? А?.. — издевательски обратился он к врачу.

Елена Сергеевна понимала, что если эти двое обнаружат своего старшего мёртвым, ей с Семёном жить останется очень недолго, поэтому, преодолевая дрожание в голосе, предложила:

— Я не против, но давайте уйдём отсюда, а то здесь труп лежит, мне страшно, — и она посмотрела в сторону тела главного врача.

— Люблю разумных баб, — хмыкнул второй, схватил Елену Сергеевну за руку и потащил ее к ближайшей двери, ведущей в палату.

— Стой, стой, стой, — забеспокоился любитель «угощаться», — а как же псих?

— А никак! Пусть бродит... Этот придурок и выход-то отсюда не сможет найти.

И он, открыв дверь палаты, втолкнул туда Елену Сергеевну.

Халат Елена Сергеевна снимала сама, плакала и медленно расстёгивала пуговицу за пуговицей. Но снять его она так и не успела; за спинами жадно разглядывающих её эков скрипнула дверь, и вздрогнувшие от неожиданности мужики шустро обернулись.

— Да твою ж мать! Тебе-то чего здесь надо? — рывкнул один из них и ткнул стволом автомата в грудь Семёну.

— Уведи-ка его к остальным, — обернулся он к напарнику, — а то он нам только меша...

Договорить он не успел: стоящий перед ним Семён вдруг сделал неуловимое движение руками, и зэк удивлённо повернул голову в сторону кровати, на которой лежал выбитый из его рук автомат. Взглянуть на Семёна ещё раз он не успел; тот совершенно спокойно поднял руку и воткнул зэку в ухо протирку, используемую для чистки ствола автомата. И теперь равнодушно наблюдал, как дёргается возле его ног умирающий человек с нелепо торчащим из уха металлическим прутком.

Второй зэк, оправившись от изумления, отпрыгнул от Семёна, вытащил из ножен, болтающихся у него на поясе, большой нож. Пригнулся и, выставив руку с ножом в сторону Семёна, прошипел:

— Ну! Давай, урод психованный! Давай! Подходи! — и он несколько раз взмахнул ножом перед Семёном.

Елена Сергеевна, запахнув на себе халат, с ужасом наблюдала за изменившимся пациентом. Вдруг она ясно осознала, что он обречён! Он сейчас умрёт, и шансов у него нет. Словно

уловив мысли доктора, Семён шагнул под неминуемый удар клинка.

Елена Сергеевна так и не смогла понять, что же произошло. Она только успела увидеть, как рука с ножом метнулась в живот Семёну, но хищно сверкнувшее лезвие прошло мимо. Семён, отклонившись в сторону и крутнувшись вокруг своей оси, оказался сбоку от зэка, перехватил его руку, резко вывернул её и ударом кулака сломал в локтевом суставе. Доктор знала, что боль при такой травме очень сильная, но зэк заорать не успел. Семён перехватил выпавший из покалеченной руки зэка нож и вонзил его тому под нижнюю челюсть, пробив нёбо и убив мозг.

Елена Сергеевна, глядя на весь этот ужас, судорожно всхлипнула и прошептала:

— Нам надо уйти отсюда... Слышишь, Семён?! Уйти!.. — и она, зябко кутаясь в халат, начала судорожно осматриваться, заранее понимая, что спрятаться им негде.

Наверное, Семён её всё-таки услышал, а может, и нет, — возможно, он просто захотел уйти из палаты. Но Елена Сергеевна увидела его уже стоящим возле дверей. Однако прежде чем открыть их, он обернулся и внимательно посмотрел на неё провалами тёмных глаз. И она, словно повинаясь приказу, молча, не оглядываясь на убитых людей, пошла с ним — ставшим вдруг незнакомым ей человеком.

Доктор торопливо пересекала холл, постоянно оглядываясь на идущего сзади парня. Она уже миновала кабинет главного врача, когда за её спиной неожиданно прогрехотали три выстрела. Они показались ей настолько оглушительными, что она взвизгнула и присела, закрыв голову руками. Она сидела на корточках до тех пор, пока не услышала чей-то хриплый прокуренный голос:

— Ну что, дамочка! Бугра нашего, значит, завалили, а теперь прогуливаетесь здесь в своё удовольствие?

Елена Сергеевна, не решаясь отнять руки от головы, прошептала:

— Нет, нет, что вы, я никого не заваливала!..

— Руки от башки убери и сюда смотри! — повысил голос говоривший.

Доктор медленно опустила руки и посмотрела на стоящего перед ней человека.

«Этот другой, глаза умные», — Елена Сергеевна сразу отметила. Он не стал зря рисковать, обнаружив трупы своих напарников. Едва выйдя из кабинета главного врача, сразу начал стрелять в самого опасного, по его мнению, противника. В Семёна, лежащего сейчас недалеко от тела главного врача.

— Я знаю, что не ты его завалила! — сказал зэк, опустил руку с пистолетом и внимательно осмотрел холл.

— Можешь встать, — наконец разрешил он, — поговорим, время есть. Не начнут они штурм, пока у нас заложников куча.

Елена Сергеевна встала, опустила руки и обречённо посмотрела на небритую рожу зэка.

— Он убил Бугра и его шестёрку? — спросил тот и кивнул в сторону Семёна.

— Я не знаю, — пролепетала Елена Сергеевна, — я не видела...

— Да ладно тебе! — неожиданно рассмеялся зэк. — Если не ты, значит, этот придурок! — и он опять мельком глянул на Семёна.

— Чтобы свернуть шею такому, как наш Бугор, нужен такой же амбал... ну, или псих. Я читал, что отсутствие мозгов у придурков компенсируется физической силой. Это правда?.. Или нет?! — повысил голос небритый, с удивлением глядя, как докторша, прикрыв себе рот ладошкой, смотрит широко открытыми глазами ему за спину, словно увидела там что-то страшное.

Он не успел узнать, правда это или нет, — даже не успел обернуться. Его шею насквозь пробило широкое лезвие ножа, уже однажды забравшее жизнь одного из зэков. Небритый стоял еще несколько секунд. Его тело не хотело умирать, и затухающий разум заставлял руки хвататься за отточенное лезвие, разрезая пальцы и ладони.

«Странно, почему нет крови? — внезапно, как будто чуть успокоившись, подумала Елена Сергеевна и поразила той мысли. — Кровь должна быть... Артерия явно перерезана...»

Судорожно вздохнув, доктор сделала шаг в сторону, чтобы не стоять перед умирающим человеком. Из рта небритого хлынула кровь, и уже мёртвое тело ткнулось лицом в каменный пол.

Елена Сергеевна отвела взгляд от быстро увеличивающейся лужи крови и метнулась к оседающему на пол Семёну. Она успела подхватить его под плечи, но, понимая, что не удержит тяжёлое тело, оперлась спиной на стену и сползла по ней, не позволив парню упасть. Потом положила его голову к себе на колени и начала гладить по жестким спутанным волосам.

— Я знаю тебя... — вдруг прошептал Семён и, открыв глаза, улыбнулся ей. — Я всегда тебя знал! Ты ведь солнце?

Глаза у Семёна ясные и чистые. Не безмятежные в своём больном спокойствии. Живые! Живые глаза умирающего счастливым человека.

Елена Сергеевна сидела на полу и, укачивая голову Семёна, плакала. Плакала навзрыд, не обращая внимания на ворвавшихся на второй этаж спецназовцев. Ее слёзы, стекая по лицу, падали на улыбающиеся губы Семёна и на его теперь уже почти мёртвые глаза. Они, слезы эти на лице Семёна, как будто оплакивали наконец-то закончившуюся жизнь.

Нет, Елена Сергеевна не жалела этого парня. Она сострадала ему! Сострадала тому, что ему пришлось пережить при жизни, когда его, раненого, захватили наёмники, воевавшие в Чечне. Она страдала от того, что они сотворили с живым человеком, узнав, что он спецназовец. Страдала от того, что он не умер сразу, а хлебнул смертной муки полной мерой. Но самое страшное — то, что он, вновь обретя разум, умирал. С улыбкой уходил туда, где нет ни страдания, ни боли.

— Я тебя знаю! — вновь повторил Семён, и перед его глазами ярко блеснул свет. Но этот свет не вызывал слёз: мягкий и нежный, он подхватил измученное тело Семёна и понёс его в голубую, словно цветы незабудки, высь. — Я тебя всегда знал!.. Я знал, что ты есть!.. Я знал, что ты придёшь ко мне! Ты ведь солнце? Тебя ведь звать Солнце?

— Да, любимый! — наклонилась над Семёном необыкновенно красивая девушка с золотыми волосами. — Я — Солнце! Я так долго тебя ждала. И ты пришёл. Нам пора!.. — она взяла Семёна за руку, и его душа, раскинув призрачные крылья, смеясь, устремилась следом за ней, за своим счастьем по имени Солнце.

Из руки умершего человека выпал помятый, красный от крови цветок незабудки.

Андрей Викторович ПУЧКОВ

родился в 1963 году в посёлке Хандальске Абанского района Красноярского края. Прозаик. Рассказы печатались в сборниках, альманахах, а также в журналах «Молодая гвардия», «Север», «День и ночь», «Нижний Новгород», «Енисей», «Сура», «Аргамак», «Бийский вестник» и др.

Победитель, дипломант ряда литературных конкурсов. Лауреат литературной премии «Тихая моя Родина» (2024) имени Н. Рубцова и Международной литературной премии им. А. Серафимовича в номинации «Лучший автор развлекательной прозы» (2023).

